

**против
выборов**

давид ван рејбрук

Давид Ван Рейбрук

Против выборов

«Ад Маргинем Пресс»

2013

УДК 321.7.01:324
ББК 66.031.1+66.042.11

Ван Рейбрук Д.

Против выборов / Д. Ван Рейбрук — «Ад Маргинем Пресс»,
2013

ISBN 978-5-91103-409-2

Демократия, основанная на процедуре выборов, тяжело больна. Граждане охвачены апатией, явка избирателей падает, политические партии, подстегиваемые коммерческими СМИ, больше думают об электоральных баталиях, чем о решении насущных проблем общества. Как получилось, что процедура, считающаяся фундаментом демократии, обернулась против нее? Можно ли спасти демократию, или она вот-вот падет под натиском популистов и технократов? Давид Ван Рейбрук (род. 1971), бельгийский историк и писатель, считает, что в действительности деятели Американской и Французской революций, в ходе которых были заложены основы нынешних западных политических систем, рассматривали выборы как инструмент ограничения демократии. Обрисовав клиническую картину того состояния, к которому привело демократию применение выборной процедуры, автор предлагает искать средства для лечения в ее древнегреческих истоках. И в период Античности, и в Средние века встречаются примеры успешного применения процедуры жеребьевки, которая некогда обеспечивала длительную политическую стабильность, но в наши дни она используется только при назначении суда присяжных заседателей. Давид Ван Рейбрук показывает, как жеребьевка может оздоровить демократию и повысить ее легитимность и эффективность. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 321.7.01:324
ББК 66.031.1+66.042.11

ISBN 978-5-91103-409-2

© Ван Рейбрук Д., 2013

© Ад Маргинем Пресс, 2013

Содержание

1. Симптомы	7
Воодушевление и недоверие: парадокс демократии	7
Кризис легитимности: сокращение группы поддержки	9
Кризис эффективности: решимость пробуксовывает	11
2. Диагнозы	14
Виноваты политики: диагноз от популистов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17
Комментарии	

Давид Ван Рейбрук Против выборов

David Van Reybrouck
Tegen verkiezingen

© 2013 David Van Reybrouck. Originally published by De Bezige Bij, Amsterdam
© Бассина И., перевод, 2018
© Торицына Е., перевод, 2018
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018
© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2018

* * *

«Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны – он раб, он ничто».

Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре (1762)

1. Симптомы

Воодушевление и недоверие: парадокс демократии

С демократией происходит нечто странное: кажется, что все к ней стремятся, но никто в нее уже не верит. Данные международной статистики говорят, что в мире растет число людей, считающих себя сторонниками демократии. Крупный всемирный исследовательский проект WVS¹ несколько лет назад опросил более 73 тысяч человек из 57 стран, представлявших около 85 % мирового населения. Положительный ответ на вопрос, является ли демократия хорошим методом управления страной, дали целых 91,6 % опрошенных^[1]. Еще никогда в истории число людей, положительно настроенных к концепции демократии, не было таким высоким.

Такое воодушевление по поводу демократии тем более удивительно, что еще 70 лет назад позиции демократии были невероятно слабы. Параллельно с существовавшими в то время фашистским, коммунистическим и колониальными режимами к концу Второй мировой войны в мире насчитывалось всего 12 полноценных демократий^[2]. Затем их количество стало медленно увеличиваться, и в 1972 году было 44 свободные страны^[3]. В 1993-м их уже было 72. Сейчас из общего количества стран (195) выборных демократий 117. Из них 90 считаются свободными и на практике. Никогда еще не было столько стран с демократическим устройством, никогда еще у демократии не было столько последователей^[4].

И все же прежнего воодушевления больше нет. Уже упомянутый WVS обнаружил также, что за последние десять лет во всем мире отмечается рост симпатий к сильным лидерам, «которые могут не считаться с выборами или парламентом», а доверие к таким институтам, как парламент, правительства и политические партии, находится на необычайно низком уровне^[5]. Складывается впечатление, что людям нравится лишь сама идея демократии, а не ее практическая реализация, во всяком случае не в ее современном виде.

Частично это снижение популярности связано с молодыми демократиями. Спустя 20 лет после падения Берлинской стены особенно сильное разочарование имеет место в странах бывшего Восточного блока. Арабская весна, судя по всему, тоже далеко не везде заканчивается демократическим летом. Даже в тех странах, где прошли выборы (Тунис, Египет), для многих открывается теневая сторона нового строя. Для тех, кто впервые знакомится с демократией, горькая истина заключается в том, что на практике она не настолько прекрасна, как радужные мечты о ней, особенно если демократизация страны проходит на фоне насилия, коррупции и экономического спада.

Но это не единственная причина. Даже убежденных демократов охватывает чувство неуверенности, и нигде этот парадокс не ошеломляет так, как в Европе. Несмотря на то что в Европе концепция демократии имеет исторические корни и до сих пор поддерживается большинством населения, доверие к имеющимся демократическим институтам тает на глазах. Осенью 2012 года «Евробарометр», официальный исследовательский центр Европейского союза, констатировал, что всего 33 % европейцев сохраняют доверие к ЕС. (В 2004 году этот показатель составлял 50 %!)

Уровень доверия к парламенту и правительству своей страны оказался еще ниже: 28 и 27 % соответственно^[6]. За многие годы это самые низкие цифры. В настоящее время от двух третей до трех четвертей населения не доверяют важнейшим институтам своей политической экосистемы. И хотя здоровый скепсис является неотъемлемой частью гражданского самосо-

¹ World Values Survey – Всемирный обзор ценностей, проект, изучающий ценности и убеждения людей.

знания, возникает закономерный вопрос: каковы допустимые границы этого недоверия и когда конструктивная критика перейдет в самое настоящее отвращение.

Судя по последним данным, это недоверие охватывает всю Европу. Оно не ограничивается только формальными политическими институтами, а распространяется также на сферу общественных услуг, таких как почта, здравоохранение и железные дороги. Доверие к политике – лишь одна из граней общего мировоззрения. Но если обратиться к демократическим институтам, то наибольшее недоверие вызывают политические партии (в среднем 3,9 из 10 баллов по оценке жителей ЕС), за ними следует парламент (4 из 10), правительство (4,2 из 10) и пресса (4,3 из 10)^[7].

Впрочем, это недоверие взаимно. Нидерландский политик Петер Канне предоставил в 2011 году интересные цифры касательно того, как политики в Гааге относятся к голландскому обществу. Из правительственной элиты Нидерландов 87 % считают себя свобододолюбивыми, открытыми миру людьми с новаторскими идеями. При этом 89 % считают свой народ традиционным, консервативным и националистическим^[8]. То есть среди политиков распространено мнение, что они придерживаются ценностей более высокого порядка, чем простые жители. В других странах Европы ситуация вряд ли отличается.

Вернемся к простому гражданину. Его возросшее недоверие часто объясняют апатией. Будто бы растущий индивидуализм и консьюмеризм настолько притупили его гражданскую ответственность, что вера в демократию сменилась на безразличие. Теперь он в лучшем случае равнодушен и переключает канал, как только речь заходит о политике. Говорят, что «гражданин самоустранился». Это мнение не вполне соответствует истине. Да, очень многие люди практически не интересуются политикой, но таких людей во все времена было существенное количество. Сейчас речь не идет о том, что пропадает интерес к политике. Наоборот, согласно исследованиям, он выше обычного: сейчас люди больше говорят о политике с друзьями, родственниками и коллегами^[9].

То есть волны апатии не наблюдается. Можно ли на этом успокоиться? Это большой вопрос. Ситуация, когда интерес к политике растет, а доверие к политике падает, всегда чревата последствиями. Ведь между тем, что гражданин почитает необходимым, и тем, что на его глазах делает политик, между тем, что кажется ему важным, и тем, что государство совершенно игнорирует, пролегает пропасть. И в результате – горькое разочарование. Как может отразиться на стабильности страны то, что все больше граждан внимательно следят за *whereabouts*² власть имущих, испытывая к ним все меньше доверия? Сколько насмешек вынесет система, не потеряв прочности? И уместно ли еще говорить о каких-то там насмешках, когда о своих убеждениях любой теперь может заявить во всеуслышание?

Мир, в котором мы живем, прямо противоположен миру шестидесятых. Тогда простая фермерша могла быть совершенно равнодушна к политике и одновременно с этим полностью доверять политикам^[10]. Социологические опросы подтверждают, что фермерша спокойно принимала все, что происходило в политике, и такая вера в политику была широко распространена в Западной Европе. Девиз того времени звучал так: апатия и доверие. Сегодня он звучит иначе: воодушевление и недоверие. Неспкойные нынче времена.

² Телодвижениями (англ.).

Кризис легитимности: сокращение группы поддержки

Демократия, аристократия, олигархия, диктатура, деспотизм, тоталитаризм, абсолютизм, анархия – любое политическое устройство должно найти равновесие между двумя фундаментальными критериями: эффективностью и легитимностью. Эффективность измеряется тем, насколько быстро правительство находит удачные решения возникающих проблем. Легитимность измеряется тем, насколько сами жители включены в принятие этих решений. Насколько незыблем авторитет правительства? Для эффективности главное – решимость, для легитимности – народное одобрение. При этом оба критерия обратно пропорциональны друг другу: диктатура – несомненно, самая эффективная форма правления (один человек решает, и всё тут), вот только устойчивой легитимностью она сопровождается редко. Обратный пример, когда страна бесконечно обсуждает любое нововведение со всеми жителями, показывает высочайший уровень поддержки, но точно не способность к решительным действиям.

Демократия – «лучшая из худших» форм правления именно потому, что пытается пойти навстречу обоим критериям. Любая демократия стремится к здоровому балансу между легитимностью и эффективностью. Критика в адрес демократии может касаться либо одного, либо другого. И система остается на плаву, балансируя, как шкипер во время качки, перенося вес с одной ноги на другую в зависимости от крена. Но сегодня западные демократии переживают кризис и легитимности, и эффективности. Это нечто новое. Это уже не просто качка, а настоящий шторм. Чтобы понять это, давайте посмотрим на цифры, редко попадающие на передовицы газет. Если сосредоточиться на мелкой ряби, рассматривая сквозь лупу результаты многочисленных опросов или выборов, можно упустить из виду крупные океанские течения и климатические закономерности.

В дальнейшем я буду рассматривать правительства разных стран. Само собой разумеется, что помимо них существуют локальные, региональные и наднациональные структуры. Но именно на национальном уровне будет удобнее всего рассмотреть состояние представительной демократии.

Кризис легитимности проявляется в трех непереносимых симптомах. Во-первых, все меньше людей ходит на выборы. В шестидесятых годах в Европе явка была более 85 %. В девяностых годах – меньше 79 %. В первом десятилетии XXI века эта цифра опустилась ниже 77 %, что стало самым низким показателем со времен Второй мировой войны^[11].

Если говорить об абсолютных величинах, то не желают ходить на выборы миллионы европейцев. Скоро таковых будет четверть от всего населения, имеющего право голоса. В США эта тенденция проявляется еще ярче: на президентских выборах *voter turnout*³ составляет меньше 60 %, на *midterm*⁴ выборах – всего около 40 %. Электоральный абсентеизм становится на Западе главным политическим течением, но об этом никто не говорит. В Бельгии, конечно же, неявка на выборы гораздо ниже в связи с обязанностью ходить на выборы (за последние 10 лет неявка составила в среднем около 10 %), но и эта цифра растет: с 4,91 % в 1971 году до 10,78 % в 2010-м^[12]. Явка на муниципальные выборы 2012 года в Бельгии, информация о которых постоянно муссировалась в прессе, вообще стала самой низкой за последние 40 лет, а в таких городах, как Антверпен и Остенде, абсентеизм вырос до 15 %^[13]. Особенно удручает именно та цифра, которая касается Антверпена: на протяжении нескольких месяцев борьба за кресло бургомистра оставалась главной темой в бельгийской прессе. В Нидерландах на парламентские выборы в сентябре 2012 года не явилось 26 % избирателей^[14]. В 1977 году неявившихся было всего 12 %^[15]. У демократии серьезные проблемы с легитимностью, если граждане больше не

³ Явка избирателей (англ.).

⁴ Промежуточных (англ.).

желают участвовать в ее важнейшей процедуре – голосовании. Можно ли тогда говорить о том, что парламент представляет народ? Может, стоит на четыре года оставить четверть кресел пустыми?

Во-вторых, наряду с неявкой существует текучка избирателей. Европейские избиратели не только стали меньше голосовать – они стали голосовать более непредсказуемо. Тот, кто все-таки ходит на выборы, может быть, и признает легитимность процедуры, но все реже хранит верность одной и той же партии. Те организации, что имеют право представлять избирателей, имеют счастье чувствовать их поддержку лишь в течение очень недолгого времени. Политологи называют это электоральной волатильностью и говорят о том, что она невероятно возросла начиная с девяностых годов и достигает в некоторых случаях 10, 20 и даже 30 %. Рулит «парящий в небе» избиратель. Сдвиги политических пластов становятся все более привычным делом. «Те выборы, что до настоящего момента проходили в XXI веке, подтверждают эту тенденцию, – утверждает в одном современном политическом обзоре. – Австрия, Бельгия, Нидерланды и Швеция установили новые рекорды, когда популярность крайне правых внезапно выросла (в Нидерландах в 2002 году) или внезапно упала (в Австрии в 2002 году), из-за чего результаты выборов оказались самыми непредсказуемыми за всю историю Западной Европы»^[16].

В-третьих, все меньше людей состоят в политических партиях^[17]. В странах ЕС всего 4,65 % избирателей являются членами какой-либо партии. Мы сейчас говорим о средних показателях. В Бельгии у 5,5 % избирателей есть партийный билет (в 1980 году их было 9 %), в Нидерландах – всего у 2,5 % (против 4,3 % в 1980 году), но постепенное снижение присутствует везде. В недавнем научном исследовании этот феномен был охарактеризован как *quite staggering*⁵. Проведя систематический анализ, исследователи пришли к следующему заключению: «В крайних случаях (Австрия, Норвегия) снижение количества членов партии составляет больше 10 %, в остальных – около пяти. Все страны, за исключением Португалии, Греции и Испании [где демократизация произошла только в семидесятых годах], отмечают также резкое долгосрочное снижение в абсолютных цифрах: снижение на миллион человек и более в Великобритании, Франции и Италии, полмиллиона в Германии и почти столько же в Австрии. Политические партии Великобритании, Норвегии и Франции потеряли более половины членов с 1980 года, в Швеции, Ирландии, Швейцарии и Финляндии – почти половину. Эти цифры впечатляют, они как бы намекают на то, что сама суть и смысл партийного членства изменились до неузнаваемости»^[18].

Что говорит о легитимности демократического устройства тот факт, что все меньше людей стремится присоединиться к важнейшим игрокам внутри этого устройства? Насколько плохо, что политические партии вошли в число институтов, пользующихся в Европе наименьшим доверием? И почему лидеры этих партий так редко по этому поводу переживают?

⁵ Невероятный, ошеломляющий (англ.).

Кризис эффективности: решимость пробуксовывает

Переживает кризис не только легитимность демократии, – испытывает серьезные проблемы и эффективность. Становится все сложнее управлять «твердой рукой». Порой проходит полтора десятка лет, прежде чем в парламенте дело доходит до голосования за принятие закона. Все больше сил уходит на то, чтобы сформировать правительства, многие из них нестабильны, а когда их мандат подходит к концу, избиратели все строже наказывают их. А выборы, в которых и так участвует все меньше людей, часто делают правительства менее эффективными. Давайте подробно разберем три симптома.

Во-первых, переговоры по созданию коалиций длятся все дольше, особенно в странах, где для этого требуются сложные политические комбинации. И это касается не только Бельгии, которая начиная с июня 2010 года побила все рекорды и полтора года просидела без правительства, но также Испании, Италии и Греции, где после последних выборов формирование кабинетов шло с большим трудом. Даже в Нидерландах процесс приобретает все более неприятные черты. В послевоенное время из девяти коалиций, переговоры о создании которых длились более 80 дней, пять относятся к периоду после 1994 года^[19]. Причины разные. Несомненно, одна из них заключается в том, что тексты соглашений становятся все объемнее и включают в себя все больше деталей. Эта эволюция тем более примечательна, что времена нынче непредсказуемые, и требуется как никогда гибко реагировать на внезапно возникающие насущные проблемы. Однако, судя по всему, недоверие между участниками коалиции настолько сильно и настолько велик страх перед возможным будущим наказанием со стороны избирателей, что политический курс теперь приходится прописывать до мельчайших деталей, а от согласованного текста потом нельзя отступать ни на йоту. Каждая партия стремится добиться наилучшей сделки, все должно быть заранее высечено в граните, важно обезопасить свою программу, сохранив ее в максимально первоизданном виде. В результате мы имеем длительные переговоры.

Во-вторых, теперь партии, входящие в состав правительства, подвергаются все большему давлению. Сравнительное изучение представительных правительств – довольно новая область, но все же результаты впечатляют. Особенно результаты исследования того, как европейский избиратель «вознаграждает» партию, за которую голосовал. Какая участь ждет правительственную партию на следующих выборах? В пятидесятые и шестидесятые годы партии, присоединившиеся к правящей коалиции, в следующих выборных циклах теряли от 1 до 1,5 % голосов, в семидесятых – 2 %, в восьмидесятых – 3,5 %, а в девяностых – 6 %. С началом нового века речь идет уже о восьми и более процентах. На последних выборах в Финляндии, Нидерландах и Ирландии правящие партии потеряли соответственно 11, 15 и 27 % своих избирателей^[20]. Кто теперь в Европе захочет править твердой рукой, если цена за участие в правительстве столь неумолимо высока? Намного рациональнее в данный момент остаться в сторонке, во всяком случае если это не влияет на финансирование партии, как это происходит там, где ей платит государство.

В-третьих, государственное управление все время замедляется. Большие инфраструктурные проекты, такие как новая ветка метро в Амстердаме, соединяющая север и юг города, новый вокзал в Штутгарте, завершение кольцевой дороги в Антверпене или строительство запланированного международного аэропорта недалеко от Нанта, либо не доводятся до конца, либо завершаются с большим трудом. Национальные европейские правительства во многом потеряли свой авторитет и власть из-за того, что они привязаны к десяткам местных и национальных игроков. И если раньше для правительства такие проекты были источником престижа и свидетельством профессионализма, то теперь они в лучшем случае – ночной кошмар. Гордые времена проекта «Дельта», заградительной дамбы Афслейтдейк, сети TGV (14) и тон-

неля под Ла-Маншем прошли. Если национальным правительствам не по силам даже построить туннель или мост, что они вообще могут сделать без посторонней помощи? Мало что, ведь они связаны по рукам и ногам национальным долгом, европейским законодательством, американскими рейтинговыми бюро, транснациональными корпорациями и международными соглашениями. В начале XXI века то понятие суверенитета, которое было фундаментом национального государства, стало очень относительным. Из-за этого национальные правительства уже не в состоянии адекватно разобраться с серьезными проблемами нашего времени: изменением климата, банковским кризисом, офшорным мошенничеством, миграцией, перенаселенностью.

Бессилие – вот кодовое слово нашего времени: бессилие гражданина перед лицом правительства, бессилие правительства перед лицом Европы и бессилие Европы перед лицом остального мира. Насмотревшись на бардак у своих ног, каждый бросает взгляд вверх, но в этом взгляде нет ни надежды, ни доверия, а есть отчаяние и гнев. Власть сегодня – это лестница, на которой каждый присутствующий клянет остальных.

Политика всегда была искусством достижения возможных целей, а сейчас она стала искусством микроскопических целей. Потому что неспособность заниматься структурными проблемами сопровождается чрезвычайным вниманием к проблемам тривиальным, подогреваемым съехавшими с катушек СМИ, которые, вполне в русле рыночной логики, стали относиться к раздуванию ничтожных конфликтов с куда большим интересом, чем к своей задаче помогать разбираться в реальных проблемах, тем более что тиражи падают. Другими словами, как никогда ранее мы имеем дело с властью обезумевшей моды. Парламент Нидерландов озадачился этой проблемой в 2009 году. Отчет парламентской координационной группы свидетельствует о недюжинной проницательности: «Ради того, чтобы выжить на следующих выборах, политики все время заняты зарабатыванием очков. А СМИ, приобретающие все более коммерческий характер, более чем охотно предлагают им свои возможности, из-за чего эти три составляющих [политика, СМИ и бизнес] крепко завязаны друг на друга, создавая некий „Бермудский треугольник“, в котором мистическим образом все тонет, и при этом все удивляются, отчего же это происходит. <...> Представляется, что вследствие взаимодействия политики и СМИ в политике все большее значение играют случайные факторы. СМИ живут новостями. Сами журналисты в частных беседах говорят от том, что происшествия пользуются у СМИ большим спросом, чем хорошие дебаты, которые тоже случаются»^[21].

Хороший термин – «случайные факторы». Цифры не дадут соврать. За последние годы число устных и письменных вопросов, внесенных предложений и дебатов по горячим темам в нидерландском парламенте резко взмыло вверх – и вместе с ним количество просмотров политических ток-шоу на нидерландском телевидении: ведь для народного избранника нет ничего важнее, чем набрать побольше очков, пока работают камеры. «Депутаты рады каждый день заявлять о том, что они „удручены“, „шокированы“ или „крайне неприятно удивлены“», – отмечает в своем отчете один из информантов. «В XIX веке в Нижней палате было, вероятно, слишком много престарелых юристов; в нынешнем их слишком мало»^[22].

Если погоня за популярностью одерживает верх над исполнением обязанностей, если предвыборная лихорадка становится хроническим заболеванием, если компромиссы называются не иначе как предательством, если партийная политика систематически вызывает презрение, если участие в правительстве оборачивается для партии резким уменьшением числа избирателей, то стоит ли ждать, что в политику пойдет идеалистически настроенная молодежь? Парламент может зачахнуть без притока свежих сил. Все сложнее становится находить новых людей, у которых бы горели глаза: вот и вторичный симптом кризиса эффективности. Политикам уготована та же судьба, что и учителям: раньше это были уважаемые люди, теперь их труд презирают. Очень емко выражает суть происходящего название одной нидерландской брошюры о привлечении новых талантливых политиков: «Найти и удержать»^[23].

Удерживать их непросто, ведь талантливые политики выгорают быстрее, чем раньше. Председатель Евросовета Херман Ромпей недавно сказал следующее: «Работая в условиях нынешней демократии, люди „изнашиваются“ ужасающе быстро. Мы не должны допустить того, чтобы демократия „износилась“ сама собой»^[24].

И в этом вся суть кризиса эффективности: демократия теряет зубы, но, удивительное дело, производит все больше шума. Вместо того чтобы, осознавая свои слабость и ограниченный радиус действия, стыдливо сидеть в уголке и говорить вполголоса, политик может, да что там – должен кричать со всех крыш о своих достоинствах, – выборы и СМИ не оставляют ему другого варианта, – и желательно при этом сжимать кулаки и стоять на своем, вздернув подбородок: ведь это красиво и создает впечатление активных действий. Так ему кажется. Вместо того чтобы смиренно признать, что устройство власти эволюционирует, и искать новые формы управления, которые имели бы смысл, политик продолжает играть в выборно-медийные игры, часто против собственной воли и против воли гражданина, которому всё это начинает надоедать: такая высосанная из пальца, наигранная истерика не способствует возврату доверия. Кризис эффективности только усиливает кризис легитимности.

Результаты соответствующие. Симптомы, которыми страдает западная демократия, столь же многочисленны, сколь расплывчаты, но если собрать их все в одном месте: неявка на выборы, размытость избирательных предпочтений, сокращение численности партий, административное бессилие, политический паралич, боязнь оттолкнуть электорат, недобор рекрутов, компульсивный поиск одобрения, хроническая предвыборная лихорадка, изнуряющий медийный стресс, подозрительность, безразличие и прочие недомогания, – то перед нами возникают очертания *синдрома демократической усталости*, – болезни еще не описанной, но тем не менее явно присущей многочисленным западным демократиям. Давайте посмотрим на уже существующие диагнозы.

2. Диагнозы

Разносторонние исследования синдрома демократической усталости позволяют выделить четыре отдельных диагноза: виноваты политики, виновата демократия, виновата представительная демократия и – частный случай последнего – виновата выборно-представительная демократия. В предложенном порядке я и собираюсь их рассмотреть.

Виноваты политики: диагноз от популистов

Все политики – карьеристы, они только хотят набить карманы, они паразиты, нахлебники, они понятия не имеют, как живут простые люди, лучше бы они все катились ко всем чертям, – эти штампы давно известны. Популисты жонглируют ими каждый день. Согласно их диагнозу, кризис демократии – это в первую очередь кризис политического персонала. Нынешние правители, рассуждают популисты, образуют демократическую элиту, особую касту, полнотью отделившуюся от нужд и тревог простого народа. Неудивительно, что демократия переживает тяжелые времена!

В Европе мы почти дословно слышали это из уст таких политиков со стажем, как Сильвио Берлускони, Герт Вилдерс и Марин Ле Пен, но также и от новеньких, вроде Беппе Грилло в Италии и Норберта Хофера в Австрии, и от партий «Йоббик» (Венгрия), «Истинные финны» (Финляндия) и «Золотая Заря» (Греция). В англоязычном мире мы наблюдали зрелищное продвижение таких фигур, как Найджел Фарадж и, естественно, Дональд Трамп. Они считают, что от синдрома демократической усталости существует относительно простое средство, а именно: более адекватное представительство населения, точнее говоря, более *народное* представительство населения, желательно за счет большего количества голосов за их же популистскую партию. Лидер такой партии позиционирует себя как прямой представитель народа, некий рупор его истинных чувств, олицетворение *common sense*⁶. Он утверждает, что уж он-то, в отличие от своих коллег, близок к простому народу. Он выражает словами то, что они думают, и делает то, что нужно. Популистский политик заодно с народом, – вот их риторика.

Нам прекрасно известно, что все это очень спорно. Не существует единого «народа» (каждое общество состоит из разнородных элементов), не существует *Volksempfinden*⁷, и нет ничего более идеологизированного, чем *common sense*. *Common sense* – идеология, отказывающаяся видеть собственную идеологию, что-то вроде зоопарка, искренне считающего себя частью нетронутой природы. В представлении, что можно органически слиться с народом, пропитаться его ценностями и чутко реагировать на его изменяющиеся потребности, больше от мистики, чем от политики. Не бывает единения с народом, зато существует такой маркетинговый ход.

Популисты – политические дельцы, пытающиеся прибрать к рукам как можно большую часть рынка, при необходимости приукрасив себя романтическим китчем. Непонятно, как они, придя к власти, собираются поступать с инакомыслящими, ведь демократия – это власть большинства с уважением к меньшинству, иначе она выродится в небезызвестную «диктатуру большинства», и мы окажемся в еще более плачевном положении.

Поэтому популизм как решение проблемы больной демократии не обещает ничего хорошего. Но если лекарство не помогает, это еще не значит, что в постановке диагноза нет толка^[25]. У современного народного представительства действительно наблюдаются проблемы с легитимностью, в этом популисты правы. Не на пустом месте появился термин «дипломная демократия»^[26]: в наших парламентах огромный перевес людей с высшим образованием. Плюс сложности с новыми кадрами. Если раньше народных представителей выбирали, потому что они были «важными членами общества», как писал социолог Я. ван Дорн, то теперь даже среди популистов все чаще можно видеть «профессионалов от политики, часто это молодежь, у которой больше амбиций, чем опыта. Им только предстоит стать важными членами общества – за счет того, что их выбрали»^[27]. Такие же опасения вызывает тенденция относиться к должности члена парламента как к интересной карьере, как к полноценному роду деятельности, а не как

⁶ Здравый смысл (англ.).

⁷ Умения чувствовать народ (нем.).

к временной службе на пользу общества в течение нескольких лет. Случается даже, что это «ремесло» передается от отца к сыну. Во Фландрии так образовалось несколько «демократических династий»: к работе уже подключилось второе поколение семей де Кро, де Хюхт, де Клерк, ван ден Боссе и Тобак. Громкое имя прокладывает дорогу в парламент, «хотя иные из них с другой фамилией не прошли бы даже на выборах в местный муниципалитет», как рассказал мне один бывший политик *off the record*⁸.

Соблюдая объективность, было бы нечестно просто отмахнуться от популизма как от чего-то, что противоположно политике по своей сути. В своем лучшем проявлении это попытка справиться с кризисом демократии, повысив легитимность представительства. Популисты предлагают простой, но мощный способ борьбы с синдромом демократической усталости: полное переливание крови, и побыстрее. Парламент нуждается в свежей крови! А остальное приложится само собой. Противники задают вопрос, будет ли это способствовать эффективности. Лучше ли будет управление, если поменять команду? По их мнению, проблема не в исполнителях, а в самой демократии.

⁸ Не под запись (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>.

2.

Eric Hobsbawm, 1995: Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London, 112.

3.

Freedom House, 2013: Freedom in the World 2013: Democratic Breakthroughs in the Balance. London, 28–29.

4.

Ronald Inglehart, 2003: How solid is mass support for democracy – and how can we measure it. PSOnline, www.apsanet.org, January, 51–57.

5.

В 1990–2000 годах идея сильного лидера, который не будет ни на кого оглядываться, импонировала 33,3 % опрошенных, в 2005–2008 годах этот показатель увеличился до 38,1 %. В 2005–2008 годах дали ответ, что доверяют мало или вовсе не доверяют: правительству – 52,4 % респондентов, парламенту – 60,3 %, политическим партиям – 72,8 % (<http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSanalyzeQuestion.jsp>).

6.

Eurobarometer, 2012: Standard Eurobarometer 78: First Results. Autumn 2012, 14. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb78/eb78_first_en.pdf.

7.

<http://www.eurofound.europa.eu/surveys/smt/3eqsl/index.EF.php>. Цифры в отношении прессы, парламента и правительства приведены по данным на 2012 год, в отношении политических партий – по данным на 2007 год.

8.

Peter Kanne, 2011: Gedoogdemocratie. Heeft stemmen eigenlijk wel zin? Amsterdam, 83.

9.

Koen Abts, Marc Swyngedouw & Dirk Jacobs, 2011: Politieke betrokkenheid en institutioneel wantrouwen. De spiraal van het wantrouwen doorbroken? // Koen Abts et al., Nieuwe tijden, nieuwe mensen: Belgen over arbeid, gezin, ethiek, religie en politiek, Leuven, 173–214.

10.

Luc Huyse, 1969: De niet-aanwezige staatsburger. Antwerpen, 154–157.

11.

Michael Gallagher, Michael Laver & Peter Mair, 2011: Representative Government in Europe. Maidenhead, 306.

12.

<http://nl.wikipedia.org/wiki/Opkomstplicht>.

13.

Koenraad De Ceuninck et al., 2013: Politiek is een kaartspel: de bolletjeskermis van 14 oktober 2012. Sampol 1, 53.

14.

Yvonne Zonderop, 2012: Hoe het populisme kon aarden in Nederland. Creative Commons, 50.

15.

http://www.parlement.com/id/vh8lnhrp8wsz/opkomstpercentage_tweede.

16.

Michael Gallagher, Michael Laver & Peter Mair, 2011: Representative Government in Europe. Maidenhead, 311.

17.

Paul F. Whitely, 2011: «Is the party over? The decline of party activism and membership across the democratic world». Party Politics 17, 1, 21–44.

18.

Ingrid Van Biezen, Peter Mair & Thomas Poguntke, 2012: 'Going, going, ... gone? The decline of party membership in contemporary Europe'. European Journal of Political Research 51, 33, 38.

19.

http://nl.wikipedia.org/wiki/Historisch_overzicht_van_kabinetsformaties (Nederland). См. также: Sona N. Golder, 2010: Bargaining Delays in the Government Formation Process. Comparative Political Studies 43, 1, 3–32.

20.

Hanne Marthe Narud & Henry Valen, 2005: Coalition membership and electoral performance in Western Europe. Paper for presentation at the 2005 nopsa Meeting, Reykjavik, August 11–13, 2005. См. также: Peter Mair, 2011: How parties govern. <http://www.youtube.com/watch?v=mgjdzfcbps>, vanaf 27:50 (лекция в Центрально-Европейском университете в Будапеште от 29 апреля 2011 года).

21.

Tweede Kamer der Staten-Generaal, 2008–2009: Vertrouwen en zelfvertrouwen. Parlementaire zelfreflectie 2007–2009. 31 845, nrs 2–3, 38–39.

22.

Tweede Kamer der Staten-Generaal, 2008–2009: Vertrouwen en zelfvertrouwen. Parlementaire zelfreflectie 2007–2009. 31 845, nrs 2–3, 34.

23.

Hansje Galesloot, 2005: Vinden en vasthouden. Werving van politiek en bestuurlijk talent. Amsterdam.

24.

Herman Van Rompuy, 2013: Over stilte en leiderschap. www.destillekempen.be (лекция в Тюрнхауте от 7 июня 2013 года).

25.

В своей предыдущей работе «В защиту популизма» (Амстердам, 2008) я не сетовал, что популизм слишком распространился, а выражал желание, чтобы он стал более качественным. Ведь поведение избирателя, голосующего за популистскую партию, указывает, пусть и неуклюже, на стремление малообразованной части нашего общества к участию в политических решениях.

26.

Mark Bovens & Anchrit Wille, 2011: *Diplomademocratie. Over de spanning tussen meritocratie en democratie*. Amsterdam.

27.

Фраза прозвучала на заседании Совета по Государственному управлению в 2010 году (*Vertrouwen op democratie*. Den Haag, 38).